

Нелепый любовник

Пьеса в трёх действиях

Роберт Юн Каспи

Действующие лица:

Мария Соскучёва

Пётр Соскучёв

Донатос – незваный гость.

Полина – жена Николая.

Николай – друг семьи Соскучевых.

Дарья – жена Вани.

Ваня – друг семьи Соскучевых.

Действие первое

Квартира семьи Соскучёвых в новостройках. По квартире можно понять, что хозяева живут припеваючи.

Слева от зрителей кухня. В центре салон, за залом проём, от которого отходят две комнаты. Справа туалет и ванная, за ними коридор и входная дверь. Туалет и ванная комната прилегают к переднему краю сцены. Балкон выпирает из сцены в зрительный зал.

В центре зала ожидает гостей только что накрытый стол. Сами же хозяева приводят себя в порядок.

Голоса Марии и Петра доносятся из спальни.

Мария: Где мои чулки?!

Пётр: Чулки?

Мария: Чёрные такие...

Пётр: А мне почём знать?

Мария: Если не ты, то кто должен знать?

Пётр: Я что ли твои чулки надеваю?

Мария: Ты их ногами под кровать швыряешь!

Пётр: А ты их не бросай где попало! Я ещё думать буду в какую сторону ноги направлять... мне делать больше нечего?

Мария: Футболист!

Пётр: Не понял?.. Ты сама вечно всё теряешь!

Мария: А, вот нашла.

Пётр: Я говорю, теряешь ты всё.

Мария: Заткнулся бы ты лучше, Пётр. Жалко, что я тебя никак потерять не смогла.

Пётр: Плохо старалась. Ты вообще всегда плохо стараешься. Как будто на каторге круглосуточной. Взяла бы сделала что-нибудь от души! Больше половины еды на столе из ресторана, а всё что сама приготовила... там же специи главной нет!

Мария: Опять ты со своими специями...

Пётр: Специя любви глава всем специям!

Мария: Чья бы корова мычала, а что ты такого делаешь-то?! Сам свой зад с дивана поднять не в состоянии. Валяешься да и только!

Пётр: Это вещи валяются, а я лежу! И вообще я с работы прихожу отдохнуть, тебе ли меня за это упрекать? Диван куплен не для того, чтобы каждую минуту с него вскакивать непонятно куда.

Мария: Слушай, Пётр, я сейчас всех обзвоню и отменю мероприятие!

Пётр: А мне плевать... и вообще кого это всех, мы никаких таких не звали?

Выходит Мария. Вслед за ней выворачивается Пётр.

Мария: Я готова.

Пётр: Рад за тебя.

Мария: Опять ты эту рубашку надел!

Пётр: Что тебе в ней не нравится, перед тобой же надевал?

Мария: Она подчёркивает твоё душевное бессилие.

Пётр: Хорошо, что она мой геморрой не подчёркивает.

Мария: Ладно, остынь! *(пауза)* Иди, Мариша тебя поцелует.

Пётр: Почему это я всегда должен идти к поцелую?

Мария: Тут всего метр пройти.

Пётр: Расстояние, каким бы коротким оно не было, требует усилий.

Пётр делает шаг, и они целуются.

Мария: Ты что уже к рюмке приложился?

Пётр: Я если к чему-либо и прикладываюсь, так к бутылке, а рюмка... рюмка это не мой типаж.

Мария: Только не позорь меня, тебе пить нельзя!

Пётр: Да прекрати ты в самом деле, а жить хоть мне можно? И вообще, рассказывать о своём военном прошлом ни есть позор, это безграничная откровенность перед собеседником. То, что я прошёл и пережил в армии, должен знать каждый добропорядочный человек.

Мария: Что ты там такого делал: батрачил на полковника?

Пётр: Они из меня раба сделали.

Мария: Уволь меня от этих разговоров.

Пётр: Дети должны были уже прилететь? (*устремил свой взор на диван*) И что эта за подушка с лицом?

Мария: Это хорошая подушка, ручная работа. (*он берёт подушку в руки и рассматривает*)

Пётр: Мы же на неё задницей садимся!

Мария: А ты не садись на неё. (*Пётр бросает подушку обратно в полость дивана*)

Пётр: Не хочешь, чтобы я на ней сидел, убери отсюда.

Мария: Может быть из дома всё убрать, чтоб ты себя комфортно чувствовал, а то ты уже зад свой от головы отличить не можешь...

Пётр: Всё не надо, можно только подушку. И вообще язвись ты чрезмерно...

Мария: Ты же напрашиваешься.

Пётр: Дети где?

Мария: В аэропорту.

Пётр: Это ты их такими непунктуальными воспитала.

Мария: Хорошо.

Пётр: Ничего хорошего в этом нет. Это они нам в отместку делают, ты слишком была с ними строга, и теперь они к нам даже не соизволят прилететь лишней раз. Уехали учиться в Питер, Москва, видишь ли, их не устраивает. Мы им финансово помогаем, а они и плевать не хотели...

Мария: Возьми огурец со стола.

Пётр: Зачем?

Мария: Чтобы твой рот занят был чем-то.

Пётр: А я и возьму, мне это сделать один пустяк. (*берёт огурец и откусывает*) Хрустит огурчик-то. Свеж!

Мария подходит к балкону и смотрит в зрительный зал. Пётр включает радио. Начинает играть музыка – Шопен. Молчание. Ждут.

Пётр: Что-то интересное увидела?.. Молчишь?

Мария: Людей.

Пётр: Мне больше нравится смотреть на мрак в окнах домов, нежели на людей, идущих по квартире. Темнота заинтересовывает, а когда видишь людей, то понимаешь, что там тоже самое, что и здесь, а значит смысла убегать нет.

Мария: Убегать от чего?

Пётр: От этой жизни.

Мария: Не будь жалок. Вечно недовольный пёс.

Молчание

Пётр: *(смотрит на часы)* Вот почему когда люди говорят, что придут в шесть, то приходят в восемь?

Мария: Осознание того, что им придётся встретиться с тобой, заставляет их повременить с приходом. И что за унылая музыка? *(Мария поворачивается к нему, подходит к динамику и выключает радио)*

Пётр: Я тебя не слушаю, прошу заметить. Мне по лампе, что ты там говоришь. Мне... я... выше этого.

Мария: Конечно.

Пётр: Конечно. Ты можешь только язвить языком, на это ты способна. Ты вообще родилась в год змеи, это же очевидный факт – твой язык не поддаётся дрессировке.

Мария: А ты на что способен?

Пётр: Я на многое горазд, мадам.

Мария: Ты, кстати, тоже в год змеи...

Пётр: Это никак не меняет твою сущность...

Звонок в дверь.

Пётр: Наконец, хоть кто-то пришёл.

Мария: Только, прошу, не налегай на алкоголь.

Пётр: Перед тем как я открою дверь, ты мне скажи, почему мы ведём себя как дети?

Мария: Не знаю.

Пётр: Может это потому, что это – единственное, что спасает наш брак?

Мария: Иди, открой дверь, люди ждут.

Пётр: Мы тоже людей ждали, не умрут за дверью, максимум к соседям постучатся!

Мария: Иди открой.

Пётр: Что, не видно, что я иду?

Мария: Пока что ты стоишь.

Пётр: Это тебе так кажется, я даже в статическом состоянии нахожусь в движении.

Мария: Ладно я на кухню...

Пётр: На кухне выхода нет!.. Как мне вдруг захотелось поговорить... выговориться, ты сразу бежишь на кухню. Кухня это тебе не пристанище...

Мария оборачивается к нему.

Мария: Не то время ты выбрал для болтовни.

Пётр: По тебе, я вообще без языка должен быть.

Мария: И когда ты стал таким неугомонным занудой?

Пётр: За годы твоего правления...

Мария уходит.

Пётр идёт к выходу и открывает дверь. Перед ним появляется немолодой человек интересной внешности.

Пётр: Да.

Донатос: Здравствуйте.

Пётр: Здрасти.

Донатос: Это семья Соскучёвых?

Пётр: Предположим.

Донатос: Мария Соскучёва ваша жена?

Пётр: Моя, а вы кто такой?

Донатос: Мне очень жаль.

Пётр: Что, с тещей или с тестем случился инфаркт?

Донатос: Инфаркт?.. Я – любовник вашей жены.

Пётр: Вы любовник моей жены?

Донатос: Боюсь, что да.

Пётр: Именно вы любовник моей жены, а не кто-нибудь другой?

Донатос: Именно я, как это не прискорбно.

Пётр: С трудом верится. И чего вам здесь надо? Вы ещё и с цветами!

Донатос: Я пришёл за Марией.

Пётр: В мой день рождения?

Донатос: У вас сегодня день рождения?

Пётр: Да, у меня. Дорогая, у меня сегодня день рождения?! А, сладкая ты моя?!
(Мария вслушивается)

Донатос: Поздравляю вас.

Пётр: Спасибо, как я понимаю, вы без подарка?

Донатос: Считайте, что я и есть подарок, на большее денег не хватило.

Пётр: Стрёмный вы подарок.

Донатос: Дарёному коню в зубы не смотрят... Типичный троянский конь, только немного постаревший.

Пётр: Неужели вы действительно любовник моей жены?

Донатос: Да, это так.

Пётр: Жаль что моя супруга оказалась Троей, я, к сожалению, не Кассандра, а то бы сжёг вас давным давно. Ваше имя?

Донатос: Донатос.

Пётр: А вы не боитесь, что я вас топориком зарублю?

Донатос: По рассказам Марии вы очень хороший человек.

Пётр: Да, что верно то верно, характера сильного мне не хватает.

Донатос: Можно войти?

Пётр: Вы смеётесь?

Донатос: Иногда даже очень, особенно когда наблюдаю за людьми.

Пётр: Ну ступайте через порог, коли не шутите.

Донатос: Уборная у вас где находится?

Пётр: Сортир слева от вас до конца по коридору.

Донатос: Я просто очень долго ехал до вас, опорожниться надо. Я, знаете ли, всегда страдал дефицитом пространства в мочевом пузыре.

Пётр: Небось это инстинкт – территорию метите, как собака.

Донатос: Думаю, она уже давно была помечена вами. Да и нам, коням, таки негоже так себя вести.

Донатос входит в уборную, опорожняется. Между зрителями и Донатосом бочок, не позволяющий разглядеть процесс мочеиспускания.

Донатос заканчивает, пристально рассматривает зрительный зал, спускает воду, моет руки, вытирает и выходит.

Донатос: Такое чувство в туалете, будто за мной наблюдают сотни пар глаз.

Пётр: Это кафель отражает вашу троянскую физиономию.

Донатос: Порой сто процентная чистота может вызывать осложнения психического рода.

Пётр: Даже так?

Донатос: Да.

Мария: Кто это? (*выходит в зал*)

Пётр: Троянский конь, Елена ты моя. (*в пространство салона протискивается Донатос с букетом цветов в руке*)

Мария: Какой ещё троянский конь и что за Елена?

Пётр: Это мы древнегреческую мифологию вспоминаем.

Донатос: Здравствуйте великолепная Мария! *(протягивает ей букет цветов, та соответственно их принимает)*

Мария: Кто это?

Пётр: Товарищ, стоящий рядом со мной, утверждает, что ты его любовница.

Донатос: Точнее это я её любовник, видите ли я не женат.

Мария: Что за бред? Какой к чёрту любовник в такой сложный для меня день?

Пётр: Ты мне сама скажи, что этот кентавр делает у нас в квартире?

Донатос: Скажите ему, Мария, не бойтесь.

Мария: Это что, какая-та твоя очередная шутка?

Пётр: Мария?

Донатос: Простите меня, славная Мария, *(вытаскивает носовой платок из кармана брюк и вытирает лоб)* но сердце моё боле не в состоянии терпеть разлуку, я уже не говорю о том, что мне бы не хотелось делить вас с кем-то либо, то есть с кем-либо, то есть... как же это правильно сказать? *(пытается вспомнить)*

Мария: Вы, наверное, дверью ошиблись, и без очков плохо видите. У нас, кстати, по соседству живёт одна потаскуха, может быть это к ней вам надо?

Донатос: Зачем вы так со мной, Мария? Я проделал такой долгий путь с земли обетованной до московских проспектов не для того, чтобы снискать пренебрежение.

Мария: Товарищ...

Пётр: Донатис...

Донатос: Донатос, товарищем я был в советское время, хотя никто меня за товарища не считал.

Мария: Донатос, не будьте идиотом, я с вами не знакома.

Донатос: Пётр, вы таки это слышите?

Пётр: Что слышу?

Донатос: Как моё сердце таки разрывается от боли.

Пётр: Нет, мои уши не стетоскопы.

Донатос: А жаль, по-моему, вам-то они как раз и подошли бы. Были бы слушателем сердец. Сидели бы себе и слушали, как бьются окровавленные сердца, впитавшие в себя осколки разорванной любви.

Мария: Какой всё-таки вы придурок!

Пётр: От разорванной любви остаются куски, а не осколки!

Донатос: Куски, осколки... не цепляйтесь к словам!

Пётр: Мария...

Донатос: Но почему, когда я решился сделать то, о чём мы так долго мечтали, уже целый год, уточняю, вы делаете вид, что ничего не было? Это преступление по отношению к живой душе. Я уже не молод, чтобы такое выносить. Я приезжаю в забытую мной страну, чтобы обрести несбыточное счастье, а вы так искренне на меня плюёте.

Мария: Боже, что за ужас!

Донатос: Вы не настолько красивы внешне, насколько прекрасны внутри, чтобы так себя вести со мной. Будьте благосклонны если не к моим потребностям, то хотя бы к своим собственным.

Пётр: Я даже не знаю, как на всё это реагировать...

Донатос: А не надо реагировать, зачем реагировать, коли можно просто отдаться чувствам... влиться, так сказать, в изотропное состояние счастья.

Пётр: Меня от вашего бреда сворачивает, как газетный лист.

Донатос: Я буду краток настолько, насколько мне позволяет мой язык. *(смотрит на Марию)* Я написал вам стих. Я всегда хотел быть поэтом, но я – инженер, это так банально, правда?

Пётр: Конь, да ещё поэт!

Мария: Пётр, выведи его, пожалуйста, из квартиры.

Пётр: Я слишком мягок, чтоб людей выводить.

Донатос:

*Что есть любовь – прохладная луна в моих ладонях
И солнца луч, плескающийся в вечности, томлён...
И от тоски чудной несёт к твоим объятьям,*

Не соблюдая гравитации закон.

*Не соблюдая никаких законов,
Она не может ждать, терпеть ей, не дано.
Любовь – неощутимая, но важная основа
Для счастья, которого мы с нетерпением ждём!*

Пётр: С такими стихами вы настоящий прозаик.

Донатос: У меня ещё есть стихи.

Мария: Не надо.

Пётр: Почему бы и нет, устроим вечер поэзии.

Мария: Я не могу быть вашей любовницей.

Донатос: Почему?

Мария: Вы на десяток-другой старше меня. Немощный и слабый старик.

Пётр: Это аргумент.

Донатос: Но, вы, же умная женщина, Мария, с молодыми мужчинами вам было бы неинтересно, да и вам уже, прошу заметить за сорок, а время-то оно быстротечное!

Пётр: Согласен с ним.

Мария: А с взрослыми неэффективно. Самый идеальный любовник – это молодой любовник. Тот, которому не нужен колодец, а нужна лишь кружка воды.

Пётр: Интересное замечание.

Мария: Тот, который бы не хотел серьёзных отношений. Секс и всё. Но взрослый любовник в итоге захочет больше, чем просто секс...

Пётр: Так, так, так, здесь ты можешь остановиться поподробнее.

Донатос: Я не верю своим ушам. Да, я взрослый, но я до сих пор горяч и интересен. Во мне бочка рома и пороха. Я как Рокки Бальбоа, готов выйти на ринг с любым жеребцом... кроме, пожалуй, нескольких неуравновешенных персон.

Мария: Не могу я быть вашей любовницей, логически это не складывается, я даже не в... как это сказать?

Пётр: Не в шоке.

Мария: Да, я не в шоке, я не думаю, как оправдаться перед своим оболтусом мужем, потому что не за что оправдываться.

Донатос: А вы действительно мягкотелый человек.

Мария: Я, извиняюсь, конечно, но я не ваша любовница.

Пётр: А чья тогда?

Донатос: Да, чья?

Пётр: Чья?

Донатос: Да, чья?

Пётр: Интересно знать , всё-таки чья?

Мария: Ничья.

Донатос: Ничья – такого не бывает. В наше время постоянно кто-то чей-то. Мир коррумпирован, милочка! Ценности любого порядка идут по рукам, а вы, к вашему сожалению, представляете ценность для определённого рода людей, и мы, стоящие рядом с вами, являемся представителями, можно так сказать, данного круга людей. Я голоден по вам, Мария!

Мария: Старый извращенец!

Пётр: Я боюсь, Донатос, что вы не убедительны, как бы сильно мне не хотелось поверить вам... то есть, я вообще, не люблю не верить людям, но вы, наверное, лжёте. Может вы её видели с кем? Понимаете, старость не радость, бывает – зашкалит... маразм, и вы как бы себя представили на месте того хорошо сложенного юноши.

Мария: Ты прям так и хочешь, чтоб я тебе с кем-то изменила.

Пётр: Ни с кем-то, а с каким-нибудь симпатичным, хорошо сложенным, студентом... Да и вообще... упаси Господи, я просто исхожу из теории – нет дыма без огня.

Донатос: Вы рано меня списываете. Это невыносимое оскорбление. Посмотрите на меня, я владею всеми видами танца, я образован, интеллигентен, мыслю одновременно и мозгом и разумом, болею редко, стреляю метко из всех видов пневматического оружия, и так же являюсь членом Гринписа по охране редких видов жуликов и тунядцев, то есть волонтер в полиции.

Пётр: Хватит паясничать! Чепуху несёте... Есть же предел терпения, не позорьтесь, Донатос. Идите и стучитесь в другие двери. Сейчас придут гости, и вас здесь не должно быть.

Мария: А что ты его выгоняешь? Пришёл человек и говорит, что любовник твоей жены, а тебе хоть бы что!

Пётр: Мне не хоть бы что, но я реалист, я могу отличить дерьмо от варения.

Донатос: Вы меня называете дерьмом?

Пётр: Вареньем, а не дерьмом. Дерьмо тот, кто спит с чужими жёнами.

Донатос: Тогда я дерьмо, я спал с вашей женой. Мы с ней занимались любовью... целовались, предавались страсти... я ласкал её бархатный бюст...

Мария: Меня сейчас стошнит от ваших разговоров.

Пётр: Это уже не смешно, выметайтесь из моей квартиры!

Мария: Подожди. Несмотря на всю нелепость, остаётся масса вопросов.

Пётр: Нет никаких вопросов, я тебе полностью доверяю. У нас хорошая семья, два замечательных ребёнка, и ни какой Донитос такую крепость не разрушит.

Мария: Предположим, что он врёт.

Донатос: Я не вру.

Мария: Допустим, так?

Пётр: Ну?

Мария: А зачем ему приходиться к нам в квартиру и обманывать?

Пётр: Ты это у меня спрашиваешь?

Мария: Знает моё имя, знает, где я живу, кто мой муж, а я о нём ничего не знаю. Такое чувство, словно ему кто-то всё о нас рассказал.

Пётр: А что ты на меня так смотришь?

Мария: Где же мы встречались? Вы вообще сказали, что вы не из России.

Донатос: Я из Израиля к вам приехал.

Пётр: Изя что ли?

Донатос: Ну почему сразу Изя? Что за стереотипы? Донатос Шлимович.

Мария: А как вы, мистер Шлимович, живя в Израиле, оказались вдруг моим любовником?

Донатос: Ну, я немного преувеличил конечно, самую малость. Вообще людям творческим, с эмоциональными всплесками, это свойственно. Полгода назад я встретил вас в Израиле, вы приезжали на обследование. Одна.

Пётр: Пстой, пстой, пстой... ты же действительно была в Израиле.

Мария: Не ты ли решил остаться дома?

Пётр: Я.

Мария: А какой муж отпускает свою жену одну за границу?

Пётр: Я купил два билета, я же тебе объяснял, но в итоге я не смог из-за работы. Это же, тебе надо было обследование проходить, а не мне. Я всё равно был лишним.

Мария: Что, я дура, ничего не понимаю?!

Пётр: Виноват, извини, что ты не доверяешь российской медицине!

Донатос: Я тогда в гостинице работал... это здесь я инженером был, а там я так... языковой барьер. Вот я и встретил её у бассейна. Лучи солнца ласкали её шелковистую кожу, в то время как я нёсся туда-сюда с какими-то очень важными поручениями.

Пётр: Что ты на это скажешь, Мария?

Донатос: Это была всего лишь одна ночь, но я не смог вас забыть, Мария. Каждый день я просыпался и закрывал глаза, только закрытые глаза, через немыслимое расстояние, могли снова вас увидеть. Я видел вас чаще, чем белый свет прожжённого дня лишь потому, что я начал жить с закрытыми глазами. Земля, о которой мечтали мои предки, превратилось для меня в песок, жизнь стала невыносимой. У меня даже зародились в голове суицидальные мысли... кстати, выпить можно, а то горло засохло, слишком много говорю?

Пётр: Конечно можно... что вы ждёте, у нас самообслуживание?

Донатос: По этой причине моё одиночество перестало быть творческим, эти полгода жизни были невыносимы для меня. Я пытался излечиться стихами, но это только усугубляло моё положение...

Пётр: Только без стихов...

В то время как Донатос декламирует стих, он медленными шагами подступает к Марии.

Донатос:

*Мне очень часто говорили: "Стой!
Не пой и не пиши стихи..." -
А я иду, неся свою любовь,
И ты идёшь, держа в руках цветы.*

*И ты идёшь в лучах на каблуках –
Благоволят ветра твоей красе,
А я всё также в шерстяных носках,
Как в октябре на Новодевичьих прудах.*

*Мне говорили: "Брось затею, ты –
Не для неё, она давно с другим..." -
А я всё также преданно гоним
Свободой страсти в ночь по мостовым;*

*И резкий до предела поворот
Любых переживаний на земле
Ничто перед томящей пустотой,
Проветренной молчанием во мне.*

*Так что я буду жаждать её уст,
Писать, неся любовь в своих мечтах,
Она, держа в руках цветы, идёт,
Но не со мною.*

Пётр: А ну отойди от моей жены! (*Пётр отбрасывает его от неё*)

Донатос: Прошу прощения, вошёл в образ.

Мария: Мне прям вас жаль.

Донатос: Меня не надо жалеть, и вообще, это мне вас жалко, вы несчастливые люди, вы даже не пытаетесь быть счастливыми. А я пытаюсь, мне-то ещё жить надо.

Пётр: Маразм какой-то!

Мария: Даже если я с вами и встречалась, я этого не помню, а насчёт измены, так это вообще бред.

Донатос: Вы хотите сказать, что я проделал столь долгий путь во имя ничего? Это просто дикость!

Мария: Секундочку, повернитесь.

Донатос: Куда?

Мария: Вправо.

Донатос: Вот так?

Мария: Теперь я вас вспомнила, действительно он всё время за мной пытался ухаживать... приставал.

Пётр: Типичный приставала. Как вы вообще могли подумать, что сможете соблазнить мою жену?

Донатос: Когда любишь, чувствуешь себя самым сильным человеком на земле. Ну, просто всё по плечу. Осёл превращается в лошадь, а лошадь соответственно в единорога.

Пётр: Вы смешны...

Донатос: А я всегда был смешным. Вот, как вы думаете, почему женщинам нравятся смешные мужчины?

Пётр: Это с кривой физиономией что ли?

Донатос: Нет, смешные это те, кто умеют смешить.

Пётр: Юмористы?

Донатос: Весёлые смешные люди...

Пётр: И чем же это они женщин привлекают?

Донатос: Тем, что если секс будет плохим, то хотя бы смогут рассмешить.

Пётр: Вот почему вы такой смешной, сексом заниматься не научились? Только не говорите, что в этом СССР виноват.

Донатос: Нет, вы меня неправильно поняли, во мне лично сочетаются два этих прекрасных качества. Я очень трудолюбив, что позволяет мне быть прекрасным любовником, и, конечно же, шутником с большой буквы.

Пётр: Да вы просто старый пердун.

Донатос: Кто я?

Пётр: Вы жопа.

Мария: Ладно, хватит! А то начнёшь сейчас с дедушкой драться...

Донатос: Да какой я вам дедушка, максимум дядя. Меня ваши оскорбления никак не задевают. Наоскорблён я уже досыта за свою жизнь. У меня иммунитет от таких как вы неудачников.

Пётр: Это почему я неудачник?

Донатос: Глаза вас выдают и рубашка.

Пётр: Рубашка?.. У меня жена – краса-девица, двое детей-студентов, я богат. А что есть у вас, мудаки?!

Донатос: Любовь. Я всю свою жизнь отдал поискам настоящей любви. Специально рыскал по земле в поисках непроходимых троп, дабы наткнуться на любовь, и мне было неважно, что это будет за любовь: любовь к падшей женщине, или просто к какой-нибудь недалекой особе, любовь с шипами, толстокожая или больная с недоразвитыми конечностями; мне было необходимо любить, организм этого требовал, но, почему-то, искренней любви я таки и не мог сыскать, было лишь желание любить – псевдолюбовь, а это порой хуже разбитой любви, так достигая цели, начинаешь понимать, что и не любил вовсе, а всего лишь хотел, и что плод твоей страсти совсем тебе не интересен, а интересен лишь силуэт в твоей голове – идеал, которого никогда не было и не будет...

Пётр: И как же вы это определяли?

Донатос: Розы без шипов не розы! Чрезмерная гладкость в отношениях всегда зарождала у меня сомнения.

Пётр: Значит всё, что не вызывает конфликта является искусственным?

Донатос: Каким, прошу прощения?

Пётр: Искусственным.

Донатос: Да. Страсть, конфликт, вот главные показатели любви, а вот совместимость двух полов, и всё такое, это не для меня.

Пётр: Вы просто идиот, у меня нет других слов. Убирайтесь из моей квартиры! Даже если бы мне жена призналась, я бы всё равно не смог поверить в то, что вы ей овладели...

Мария: Я уже не могу так больше, хватит! Умник долбаный!

Донатос: Вот это женщина, ай да фрукт!

Мария: И вы тоже заткнитесь, любовничек! Почему ты, Пётр, решил, что я тебе не изменяю?

Пётр: А что, изменяешь?

Мария: И ты даже не поверишь с кем!

Донатос: Вот эти страсти я и искал, измена... я чувствую боль в своем сердце, какое всё-таки это губительное чувство. От него просто-напросто можно сойти с ума. Рассудок смело метлой, остался лишь сгусток закоптелой боли...

Пётр: Слушай, от его словесного поноса и прочувствовать ситуацию не удаётся.

Донатос: А я её за вас прочувствую.

Мария: Меня, что здесь вообще нет?

Донатос: Вы есть, и поэтому вас нет, то есть вы как Бог, настолько всеобъемлемы, что вас теряешь из виду.

Пётр: Ты что на него так уставилась? Может ему ещё яблоко тебе принести, змею этому...

Донатос: Вам от меня никуда не деться, вы часть моей души! (*Марии*)

Пётр: Он прям как раковая опухоль, в комнате уже кислорода нет, сколько вы можете говорить?!

Донатос: Я бы мог быть прекрасным радиовещателем!

Мария: А мне нравятся его разговоры, пусть говорит.

Пётр: Ах, значит, пусть говорит? Ему конечно... он сутки говорить будет, он же специально прилетел из Израиля, дедушка Изя!

Донатос: Воды выпью...

Пётр: Не трогать воду! Как бы ему эта вода костью в горле не застряла.

Донатос: За меня не беспокойтесь, я и не такую воду пил. Я заметил, у вас и стол шикарно накрыт, гостей ждёте, небось целую роту.

Пётр: Какой вы внимательный, дедушка.

Донатос: Прекратите называть меня дедушкой, и вообще по пластике я – плейбой... вот так вот!

Пётр: Так с кем ты мне изменяешь?

Донатос: А можно не уходить от темы?

Пётр: От какой темы?

Донатос: От нашей – типа любовный треугольник.

Пётр: Ну, ты вообще б..., дедушка... полное неуважение!

Мария: Как ты разговариваешь?

Пётр: Говори, с кем спала? Ваня? Коля? Может быть, участковый, помню я, ты с ним так любезно болтала у дома?

Мария: Хочешь узнать, пол Москвы придётся объехать.

Пётр: Змея!

Донатос: Это потому что вы не смешной.

Пётр: Не бздеть! Я топориком тебя не зарублю, я ножиком тебя продырявлю, ты у меня как шина спустишься.

Донатос: Всегда мечтал умереть в бою за любовь к женщине!

Пётр: Человек выжил из ума на старости лет!

Мария: Это какое-то безумие, меня как будто здесь нет!

Донатос: Я же вижу, в ваших глазах нет любви. Пришёл незнакомый человек, любовником себя называет, а вы его в апартаменты, вместо того чтобы с лестницы спустить. Всё потому, что и вам надоело не любить; я тот, кто хоть как-то может изменить вашу жизнь. Вы же не любите Марию, и вам плохо от этого. Отдайте её мне, отпустите её. Мне всё равно десяток остался. У меня отец от инфаркта скончался, так и я до семидесяти не дотяну, а потом – когда я на тот свет... она к вам снова вернётся.

Мария: Прекратите нести ахинею!

Пётр: Всё! Молчим, хотя бы полминуты.

Молчат.

Пётр: С кем ты мне изменила?

Звонок в дверь.

Мария: Они пришли.

Донатос: Кто они?

Пётр: Друзья.

Мария: Вы старый друг семьи.

Донатос: Лучше новый друг, или просто друг.

Пётр: Пусть он уходит.

Мария: Он столько наговорил, что ему обязательно надо подкрепиться.

Пётр: Ладно, пусть пожрёт, а потом уматывает.

Мария: Ты главное не налегай на алкоголь.

Донатос: Я за ним прослежу.

Мария: Не стоит.

Донатос: Поверьте, Мария, это в моих же интересах.

Мария: Сядьте за стол.

Донатос: Нет проблем, А можно я уже начну есть?

Пётр: Чтоб у вас еда изжогу вызвала!

Донатос: Мария, зачем продолжать разыгрывать этот фарс?

Мария: Садитесь и жрите молча!

Донатос: Ах...

Действие второе

Мария и Донатос садятся за стол. Пётр идёт открывать дверь.

Пётр: Наконец вы пришли, вас не дождёшься.

Ваня: Даша пока выйдет...

Дарья: Кто это от компьютера оторваться не мог?

Ваня: Это я тебя ждал... решил немного в покер поиграть, а там такие ставки пошли... Ну, друг, с днём рождения тебя. Сорок три – это уже за чертой оседлости.

Дарья: Дай, я тебя поцелую, мой дорогой.

Полина: Оставьте место на его лице для моих поцелуев!

Николай: Баба твоя в зале?

Пётр: В зале.

Полина: Счастливых тебе лет, и не мучай супругу.

Николай: По его роже – боюсь, это она его мучает. И что за рубашка на тебе?

Дарья: Марию не трогать!

Мария: Какой дурдом сейчас будет. *(Говорит сама с собой)*

Николай: Я коньячку принёс, душа запоёт, брат.

Дарья: Куда подарки положить?

Пётр: Эти вопросы к Марии.

Они заходят в салон, Мария встаёт и обнимания...

Николай: *(запевает)* Мария, Маша, Мария...

Мария: Прекрати выть!

Ваня: Это у него клиническое. Привет, Маш.

Мария: Можно было и без цветов, у меня уже есть.

Ваня: Я, тоже самое Дарья, говорил...

Дарья: Милая ты моя, как ты тут со всем справилась? Говорила же если надо, помогу.

Мария: Всё нормально.

Полина: Мария, годы не берут твоего муженька, до сих пор не отыскать седых волос на нём.

Мария: Он волосы красит... это, кстати, наш старый друг, Донатос.

Коллективное рукопожатие с Донатосом.

Дарья: Очень приятно.

Николай: Маш, я не споткнусь о крайность, если коньячку на стол поставлю?

Мария: На столе места нет, и так алкоголя полно.

Николай: Маш, всё будет, и место будет, и всё будет, дело наживное...

Ваня: Я – Иван.

Донатос: Донатос.

Ваня: Донатос?

Донатос: Да.

Ваня: Хорошо. Маша, мы как бы уже сядем и начнём трапезу, я просто голоден как крокодил. Жена голодом морит.

Все садятся.

Николай: Для крокодила у тебя пасть маленькая...

Донатос: Шакал тоже часто голоден.

Николай: Не вижу связи.

Полина: Кто что будет?

Дарья: Вы не поверите, мы по дороге чуть в аварию не попали.

Ваня: Едем через Охотный, думали проскочить, глупая идея была на самом деле... так вот, впереди нас машина с мигалкой, черная такая. Я, значит, решил сбавить скорость, темно всё-таки, но только я об этом подумал, как машина вдруг останавливается прямо на дороге, из неё выбегает подросток и бежит в сторону зданий, я, конечно, резко по тормозам, и если бы я на секунду замешкался, всё, Дарья была бы сейчас где-нибудь в больнице.

Николай: Чего-то не верится!

Ваня: Угнал машину. На вид не больше пятнадцати лет.

Полина: Ужас – это современная молодёжь!

Николай: На столе выглядит всё таким вкусным.

Донатос: Вода, признаюсь вам, бесподобная.

Дарья: Вы, кстати, новый в нашем сатанинском обществе.

Донатос: Я очень новый!

Дарья: Вы кто и как здесь оказались?

Николая: Вопросник от Дарьи! Надо перед этим выпить.

Мария: Не надо.

Пётр: Мария, люди пить хотят.

Николай: Маш, твой муж сегодня родился, ну прояви снисхождение, максимум он опозорится перед нами.

Мария: У вас начнётся и не закончится!

Ваня: К счастью или к несчастью, в нашей жизни не бывает ничего, что не кончалось бы рано или поздно. Это ещё Чехов писал.

Мария: Не знаю я, у вас всегда так, что потом соседи в дверь стучатся, ваше пение за вой принимают.

Николай: Соседей в шахту мусора. Поднимем!

Ваня: Хочу сказать: "Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил" – это сказал Лис маленькому принцу. Как бы это не звучало, ты, Мария, в ответе за своего мужа, береги его.

Донатос: Прямо кладезь цитат, а не человек. За любовь! *(смеётся)*

Ваня: А что вы так смеётесь?

Донатос: Это я так идиотом прикидываюсь, кстати, весьма полезно. *(Не понимают)* Просто в голове столько процессов происходят...

Полина: Из ваших уст это звучит весьма интригующе.

Донатос: Я вообще интриган. А что именно вас заинтриговало?

Полина: За любовь пьёте.

Николай: Так и быть, за любовь, мать её так!

Все пьют.

Пётр: Да, вещь.

Николай: Этот коньяк пьют без закуски.

Мария: Детей у кого оставила?

Дарья: У сестры.

Ваня: Кто бы за её сестрой последил... блудница!

Дарья: Хватит поливать грязью мою сестру.

Ваня: К твоему сведению, грязевые ванны полезны.

Донатос: Это миф.

Ваня: А вы откуда знаете, что это миф?

Донатос: Сколько меня грязью не поливали, а что толку?

Ваня: Да...

Николай: Не расслабляться!

Пётр: Давай, наливай, а то у меня голова – кирпич.

Полина: Дайте мне тост сказать.

Николай: Говори, любовь моя.

Полина: Спасибо за разрешение. Я вот смотрю, дети ваши повзрослели и улетели... короче, желаю вам третьего ребёнка!

Мария: Нет, не дождёшься. Я уже не в том возрасте.

Донатос: Видишь, у нас уже есть что-то общее.

Николай: Чудной ты человек, брат. *(Протягивает ему рюмку)* Возьми, пей!

Донатос: Это раньше я не пил, а сейчас выпью, это же ни кто-то там, а сам Пётр... Я вообще тост скажу, тоже... застольная ситуация для меня, мои молодые... новые друзья, крайняя редкость, поэтому я премного благодарен за то, что пригласили. Петя, зная тебя, и зная твою дорогую жену, мне хочется искренне тебе пожелать счастья, так как счастье это как птица, которая периодически улетает на юг, и наша цель – простых смертных, чтобы эта птица возвращалась, и порой для этого требуются некие жертвы, жертвы во имя счастья. Надеюсь, ты будешь жертвовать искренне, без какой-либо тени сомнения, дабы снова в форточку твоей души залетела беззаботная птица счастья. Дай я тебя поцелую!

Пётр: Не надо.

Полина: Какой тост!

Николай: Пьём, не отставать. Ох, хорошо! Так кто ты такой, брат? Интересный ты мужик, брат, реально... Вот, чувствую, интересный ты, спросить тебя хочется: как дальше жить?

Дарья: Ты чего, уже под градусом?

Мария: И Петя перед этим вмазал.

Николай: Я прошу тебя, любовь моя, не унижай меня прилюдно, я меру знаю,

это мера, к сожалению, меня не знает!

Донатос: Думаю, надо спортом заниматься.

Николай: Я вот Николай, но не Угодник, я просто Николай из Перми. Живу в Москве, имею бар-ресторан. Коньяк, принесённый мной, это не просто коньяк, купленный в каком-то магазине... я видел женщину, как её грудь вздымалась, под платьем конечно, в тот момент, когда она разливала этот божественный напиток в южной провинции страны, ты понимаешь, брат? Это настоящий кизлярский коньяк. Если бы я не пьянел так быстро, я бы употреблял его вместо чая.

Донатос: Вы хотите сказать, что вы были в Кизляре?

Николай: Был. Я же должен знать, что за товар я покупаю.

Ваня: Наш алкаш, Коля, нашёл свободные уши. Коля, не делай из еды культа!

Николай: Коньяк – это не еда, это эликсир.

Полина: Чёрт с ним, ещё выпьем.

Мария: И когда же красный свет?

Дарья: Когда твой муж про армию говорить начнёт.

Пётр: Сегодня у меня не то настроение...

Коля: Ты вообще верующий человек, Доритос?

Донатос: Донатос.

Николай: Донатос.

Донатос: Это зависит от стула, на котором я сижу.

Николай: Интересно. А на каком стуле ты сейчас сидишь?

Донатос: (*Донатос встаёт, рассматривает стул, оценивает...*) На атеистическом, как ни странно.

Николай: Бывает же такое!

Донатос: Сам удивляюсь, насколько безбожна может быть мебель. Пожалуй, это ИКЕА.

Ваня: Меня зовут Ваня, как я уже сказал, это моя супруга Дарья, Полина супруга Николая.

Донатос: Я Донатос Шлимович. Третий день в Москве. Сам из Израиля. Инженер по образованию, а так пишу стихи в свободное время.

Николай: Петя, а ты не говорил, что у тебя друзья за границей есть.

Пётр: Да.

Мария: Донатос, друг его родителей, приехал на день рождения, поздравить и тут же уехать.

Донатос: Москва с её громадными проспектами слишком шумный для меня город... я уже не в том возрасте.

Николай: Я чего-то не понимаю, вроде бы я тебя недавно где-то видел, лицо знакомое.

Донатос: Не может этого быть!

Николай: В своём баре.

Донатос: Таких как я, очень много, и все мы похожи.

Полина: Таких, как вы?

Донатос: Списанных со счетов.

Николай: Наверное, ты прав, братан!

Дарья: Так вы говорите, что пишете стихи?

Ваня: Мы, кстати, стихи очень любим. Я же главный редактор издательского дома, я думаю, вы это поняли. Мог бы вас послушать, оценить.

Николай: Перед этим надо выпить. Кто ещё не сказал тост?

Пётр: Не нужно тостов. Выпьем так.

Они пьют. Едят.

Николай: Еда просто бомба!

Полина: Дети не прилетят?

Мария: Опаздывают.

Полина: Когда мои уже подрастут, а то жизни на себя не остаётся?

Мария: Я это, слава богу, уже прошла.

Дарья: А у вас, наверное, уже внуки есть.

Донатос: Я бездетный, к сожалению, но я не отчаиваюсь, у меня ещё есть время.

Николай: Давайте тогда вмажем за время!

Ваня: Мне вот то **блюдо** передай, пожалуйста. Спасибо. Ну, давайте, Донатос, не стесняйтесь.

Донатос: Ну, я не любитель декламировать стихи на публике...

Ваня: Точно на таких же посиделках Высоцкий свои шедевры людям дарил.

Донатос: Я же не Высоцкий.

Дарья: Ну, прочитайте что-нибудь.

Пётр: Читай уже, друг любезный. Вы даже не представляете, какие стихи он пишет. А как он их читает, как настоящий поэт-мученик, а всё, потому что с любовью у него не вышло.

Полина: Соли на столе нет! Боже мой.

Полина встаёт, бежит на кухню, находит соль, берёт и возвращается.

Мария: Ты что, башкой ударилась?

Полина: Это чтоб мы не рассорились.

Донатос встаёт. Все ждут.

Донатос:

*Он потерял сознание, шагая в такт;
Движение казалось для него пустяк,
Но он не ожидал столь резкий поворот –
Нога скосилась набок, и он не смог.*

*Он потерял секунды, ища глазами пол,
И всё шло по периметру волною в стол.
Он не успел опомниться, как он уже лежал,
Он этого никак не ожидал.*

Ваня: Это что стих?

Донатос: Да. (Он садится)

Ваня: "Наш век – это век выскочек!" Бернард Шоу.

Донатос: Это вы меня попросили стих прочитать! Я инициативу не проявлял.

Ваня: Но вы, не отказались же. На самом деле эта фраза задевает не столько вас, сколько людей, называющих себя поэтами. И вообще творчество, наверное, всё-таки должно быть услышано вне зависимости понятно оно или нет.

Николай: А чё здесь понимать, бухнул мужик на корпоративке, решил сотрудниц полапать в ритм танца... танго в три шага, ну вот и навернулся...

Полина: А тебе лишь бы сотрудниц лапать!

Николай: Я бабник только мозгом, костями и мясом я моногамен.

Ваня: Но что точно могу заметить, в вас умер актёр.

Донатос: Я просто... как бы не контролирую стихи, всегда прочитаю стих, который ни к месту. И, кстати, я в студенческие годы играл на сцене института.

Ваня: Кого?

Донатос: Я в молодости был полным юношей, так что мне досталась роль Санчо Панса. Она, вообще, подходит мне...

Пётр: Ну конечно, только Изе под силу такая роль!

Николай: Изя, во, приколы!

Пётр: Давайте ещё выпьем.

Мария: Не нужно тебе больше пить.

Пётр: Время Мария такое, что без этого никак. Универсальный антибиотик нашего времени.

Николай: К сожалению, я с ним соглашусь.

Пётр: А ты тост сказать мужу не хочешь?

Мария: Тогда и мне наливайте.

Пётр: А мы нальём.

Ваня: Нет проблем, но мне много пить нельзя, я за рулём.

Мария: Хочу пожелать тебе, мой дорогой муж, спокойствия и умиротворения, независимо ни от чего. И знай, как в песне, главней всего погода в доме.

Николай: Мурашки прям по коже, негласный наезд...

Ваня: Это у неё такая манера... тон, а так тост даже очень неплох.

Полина: Ну, тогда пьём.

Пьют.

Донатос: Коньяк действительно хорош.

Николай: Я же тебе, отец, про это и толкую, что коньяк вещь!

Донатос: Вы меня отцом назвали?

Николай: А чё?

Донатос: Я же братом был?

Николай: Для брата ты немного староват. Прости, отец.

Полина: Не обращайтесь внимания, это градус его так бьёт.

Николай: Градус меня никогда не бьёт, лапочка, он меня ласкает.

Ваня: Гитару что ли принести, спеть...

Дарья: Ну, только не надо выть, давайте лучше о политике поговорим.

Ваня: А что о ней говорить? Толку то... тоска да и только.

Дарья: А о чём ещё говорить супружеским парам?

Николай: Вот если были только мужики за столом, то однозначно говорили бы о футболе и тёлках...

Пётр: Интересно, о чём женщины говорят?

Ваня: Так это же уже давно известно: об одежде и беспомощности мужчин, как самцов.

Николай: А о чём говорят наши отцы?

Донатос: Это вопрос ко мне?

Николай: Отец, вы один у нас, пока ещё.

Пётр: Жалко, что матери нет.

Донатос: Об искусстве и о женщинах.

Полина: Как это пошло – разговоры стариков о женщинах.

Ваня: О Боге?

Донатос: Что о Боге?

Ваня: О Боге не говорите, время-то поджигает?

Донатос: А время – оно в любом возрасте одинаково поджигает.

Ваня: Но ремни-то чувствуете только вы.

Донатос: О Боге мы не говорим.

Пётр: Пора бы начать.

Донатос: Ну, если всё же о политике, то у меня есть четверостишие такое:

*Горделиво сгорбившись, покатилась вниз,
А под солнцем бьётся в мозг детско-белый визг.
Ты скажи мне, родная, кто ж тебя имел?
Ах страна моя, страна, я бы не посмел...*

Пётр: Опять сексуальный подтекст, что ж с вами стариками происходит?

Донатос: Окисляемся.

Николай: Вино со временем, к сожалению, становится уксусом.

Ваня: О какой стране идёт речь в стихе?

Донатос: Не знаю.

Николай: Я бы не хотел углубляться в политику, учитывая, что я как примерный гражданин плачу всем кому надо, чтобы об этом не думать.

Ваня: Вот такие как ты, Коля, ставят под сомнение основы правового государства. Коррупционер!

Николай: У меня на этот счёт другое мнение: у меня бар-ресторан процветающий?

Ваня: Ну?

Николай: Жену детей обуваю, одеваю, кормлю?

Полина: Жена в подачках не нуждается!

Николай: Допустим, ты с работы уйдёшь.

Ваня: Ну?

Николай: Это говорит о том, что всё в ажуре... то есть я на правильном пути... я прав! А рыба, к твоему сведению, с головы гниёт, а я так... чешуйка одна.

Ваня: Дело же не в этом...

Дарья: Я думаю, не нужно нам говорить о политике, да ещё на пьяную голову.

Ваня: Я трезвый. Вот недавно ко мне парень пришёл в издательство. Не постеснялся и в кабинет вломился. Назвал себя гением, и сказал, что нигде рукопись его не принимают. Я взял его рукопись, ну только для проформы, чтоб он исчез из кабинета. И что я выяснил, читая его произведение в триста страниц, что он не врал, что он не выскочка какой-то, а гений. Вот только кому его гениальность нужна? Писать про избу, заброшенную где-то там, на окраине окраин – это «неинтересно», так как это вне формата, и то, что это произведение искусства является, может быть, шедевром, не помешало мне выбросить рукопись в мусор.

Николай: А чё, ты так?

Ваня: Потому что те, кто мне платят и те, кто читают хоть какую-то литературу, такие же как и ты, им и без шедевров хорошо живётся.

Пётр: Эх, жизнь, она иногда такие сюрпризы преподносит...

Мария: Где же дети? Пойду, позвоню им.

Мария исчезает в спальном кабинете.

Донатос: Я могу лишь заметить, что не конструктивна наша беседа...

Николай: Ты прости меня, Ваня, но ты всё время хочешь залезть на гору, но ты не замечаешь, что это скала, острая гладкая скала. Зачем тебе падать?

Ваня: Я, вообще, не понимаю к чему это.

Николай: Это ты недостаточно пьёшь. Я тебе говорю, а ты не догоняешь. Всё твоё вот это, оно меня не трогает, потому что ты сам ничего не делаешь, боишься место потерять!

Дарья: Я хочу покурить, я должна покурить.

Пётр: На балкон, пожалуйста. Я бросил с трудом, не хочу дыма в комнате.

Дарья выходит на балкон. Закуривает сигарету и дымит в зрительный зал.

Николай: А ты что, отец, замолчал?

Донатос: Я задумался.

Ваня: О чём, если не секрет? В вашем возрасте стоит поделиться мыслями, явно они извергают мудростью.

Донатос: Нет, к сожалению, это всего лишь мысли слабости...

Николай: Я понимаю тебя как никто. Бывает тыкаешь, тыкаешь, тыкаешь... тыкаешь, и лишь потом понимаешь, что это дерьмо. Спрашивается, зачем столько тыкать?

Донатос: Незачем.

Пётр: Давайте выпьем, чтоб так за здоровье.

Ваня: Да, резервы наши не вечны.

Донатос: Вот я вижу по столу, по часам вашим, по квартире – богатые вы люди. Социально упитанные... я думаю, это прогресс.

Николай: Всё, дедушке не наливать.

Донатос: Ты же меня отцом называл?

Николай: Ты просто, как мой дедушка покойный говоришь. В душу плевал, не спрашивал.

Полина: Ты тоже остановись.

Николай: А как я могу остановиться, когда меня в моём богатстве упрекают?

Полина: Какие-то у нас странные посиделки. Выйду-ка я на балкон к Дарье.
(выходит на балкон)

Донатос: Это я так завидую. У меня-то оклад был в своё время, но... я даже и не хотел об этом вспоминать, само вырвалось. Вы знаете, я-то здесь, на самом деле, совсем по другой причине...

Пётр: Успокойся, Донатос.

Донатос: Раз я дедушка, дайте мне слово.

Пётр: А у меня в квартире монархия.

Донатос: Если это так, то ты, точно здесь, не главный.

Ваня: Верно подмечено.

Донатос: Я вот всю жизнь жил, в савке... не важно, везде, где не жил, меня просили успокоиться. Живи, как будто ты спокоен, ничего не желай, пей то, что пьётся, жуй то, что жуётся, и всё... Так я ни в одну щель не проскочил...

Выходит Мария.

Мария: А где девочки?

Ваня: На балконе.

Пётр: Что с детьми?

Мария: Они только сейчас из аэропорта выезжают. *(Выходит на балкон)*

Николай: Дед, ты не напрягайся, давай рюмочку тяпнем, и поделом всю эту хренотень, у нас у всех ведь крыша пол заменяет.

Ваня: Пётр, гитару принеси, пожалуйста, будем играть, петь. Хочется, душа просит.

Пётр: Гитара так, гитара. *(Он встаёт, идёт в комнату и выносит гитару)*

Ваня: Давай, Николай, начинай! *(гитара попадает в руки Николаю)*

Николай: Настроить надо...

В то время как Николай воет что-то себе под нос, на балконе разговаривают женщины.

Дарья: Ох, девочки, я пьяная.

Мария: Опять твой завыл.

Полина: Что-то твой муж очень серьёзный сегодня.

Мария: Да пошёл он, надоел. Всё делаешь для него, а ему всё мало.

Полина: Мой если бы свиньёй не был, цены ему не было.

Дарья: Счастье – это иллюзия. Ваня вообще разленился... в постели.

Полина: Кто этот Донатос?

Мария: Кто?

Дарья: Станный он, напряженный.

Мария: Да я его сама не знаю, пришёл и заявил, что я его любовница. Я с ним в Израиле встречалась, еле вспомнила.

Полина: Вот те на! Он никак на любовника не тянет.

Дарья: По мне он самый настоящий ловелас.

Полина: Ваня твой совсем ослабел.

Дарья: А как он сюда попал?

Мария: Вот это мне и придётся выяснить.

Полина: Гнильцом пахивает.

Мария: Сидят четверо, нажрались, и что теперь с них взять?

Дарья: Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Полина: Главное, чтобы они себя в руках держали.

Дарья: У Петра есть основания для ревности?

Мария: Я себя святой никогда не считала, да и с грешником поживёшь, сама начнёшь грешить.

Полина: Зайдём, а то ветер.

Дарья: Ой, что будет!

Мария: Плевать.

Женщины входят в салон.

Николай: Вы хоть слышали, как я пел?

Полина: Мы слышали твой вой.

Николай: Дед, вот почему баба рождена оскорблять мужика? Уважение – это самое элементарное. Уважуха...

Донатос: Да.

Николай: Давайте станцуем. (*Резко встаёт, хватает Полину и начинает танцевать*) Где музыка?

Пётр: Музыка... (*Пётр встаёт и включает радио*)

Полина: Как ты танцуешь?

Николай: Как пьяный, которому не двадцать лет.

Полина: Ты хоть музыку слушаешь?

Николай: Э..!

Дарья: Вань, ты меня не пригласишь?

Ваня: Я выпил, ещё водить надо потом...

Донатос: Я с вами потанцую!

Дарья: Конечно. (*Донатос встаёт, берёт Дарью под руку, и они начинают танцевать*)

Николай: Чего-то голова кружится... тошнит, я курить выйду. (*оставляет супругу стоять и выходит на балкон*)

Закуривает. Смотрит сквозь дверь. Донатос и Дарья продолжают танцевать.

Полина: Мог бы танцевать как Донатос, а?

Николай: Не-а.

Ваня: Я не знал, что ты так можешь, Дарья.

Дарья: Это не я.

Донатос: Я же вам говорил, что я хорошо танцую.

Пётр: Смотрю на вас Донатос и жить не хочется.

Николай: Не был бы ты стариком, дедон, подумал бы, что ты мачо...

Донатос останавливается, идёт к проигрывателю, выключает радио, и все ждут.

Мария: Донатос, успокойтесь.

Донатос: Я и не только танцевать могу!.. Я больше вам скажу. Дедушка я... или кто там, я не знаю. Я в своей жизни, простите меня за сквернословие, алкоголь в душу стёк, столько говна повидал. Я вот работал, имел оклад, приносил зарплату матери. Я знал кому отнести деньги, я знал для чего зарабатывать. Мне лично много не надо было, я человек скромный, там-тут потанцую, напьюсь, да и всё. Я её в Израиль привёз, она таки от жары и померла. А сейчас живу один, для кого, скажите...

Николай: Тяжело, наверное, тебе дед. Из опыта скажу – танцы денег не приносят.

Донатос: Я вообще для чего сюда явился; я, каким бы старым я не казался, любовник Марии.

Ваня: Смех да грех.

Николай: Да, у старика маразм!

Пётр: Не позорься, Донатос.

Донатос: А что мне терять, я гол как буравчик!

Николай: (ухмыляется) Буравчик.

Ваня: А что женщины молчат?

Николай: Они-то уже давно всё знают, такой эти женщины народ.

Полина: А ты радуешься, что у тебя таких проблем нет?

Николай: Это из-за градуса, дорогая, улыбка до утра на моём лице.

Ваня: Простите меня, но не могу я представить вас любовником Марии.

Дарья: Но вы вообще его списали, вы, же видели, как он танцует!

Мария: Откуда не возьмись у меня любовники!

Николай: Хочешь, Пётр, мы ему морду намылим?

Пётр: Зачем, если человек хочет считать себя любовником моей жены, пусть считает.

Донатос: Ну, сколько, Мария, можно держать это в себе. Я здесь сижу, пью, ем, общаюсь, но всё время думаю о вас, вы же, несчастная! Хуже застолья и придумать нельзя было.

Николай: Он на нас гонит! (*Мнёт окурок и выбрасывает за балкон. Входит в зал.*)

Ваня: Успокойся!

Донатос: Приходит к вам человек в здравом уме и говорит правду, которая не всем по душе. Конечно же, Мария будет отрицать. Никто из нас не лишён слабости. Я же это делаю не только ради себя, но и ради них. Они же сами не признаются друг другу, что им уже тошнит друг от друга. И вот я появился для этого, как бескрылый ангел. Я вижу перспективу всей этой картины, и вместо того, чтобы нажираться, лучше во всём разобраться. Продуктивна должна быть ночь.

Николай: Мария, ты с этим дедушкой знакома?

Мария: Допустим.

Николай: Он действитель... но... чёрт... дым с алкоголем это... твой любовник?

Полина: Кто в это поверит?

Ваня: Мария, женщина умная. Может она специально выбрала того, о ком мы бы никогда не подумали. Это настолько нереально, что вполне может быть реально.

Николай: Вопрос: против кого ситуация?

Пётр: Меня, конечно. Я, по любому, сухим отсюда не выйду.

Мария: Значит, один ты у нас бедный мученик, а? Нажрался и теперь жалеешь себя!.. Одного проходимца из дома выгнать не смог!

Пётр: Так ты же сама его оставила!

Донатос: Мария.

Мария: Да закройте вы рот, поэт! Вам только свечи держать, согнувшись.

Николай: Вот умора-то!

Донатос: Мария, что же вы так?

Мария: А как вы хотите, чтобы я себя вела? Не могли дождаться, пока они уйдут?! Рискнули? Вот и получайте камнем по голове!

Донатос: У меня сердце болит.

Дарья: Валерьянки ему!

Пётр: Жалко мне его с одной стороны, неприятна вся эта ситуация с другой, радуется лишь, что дети опаздывают, но так это оставлять нельзя.

Ваня: Как говорят, непосеянное зерно не взойдёт!

Пётр: Ну да. Мне очень больно думать, что после стольких лет совместной жизни моя жена мне изменяет, и я это узнаю на свой день рождения. Конечно же, я не могу поверить в то, что любовник рядом стоящий лось, но нет дыма без огня. Исходя из этого, я уверен, что любовник есть, но это не Донатос.

Полина: Ты прям как в суде.

Пётр: Я столько лет пахал, и нажил приличный капитал, не для того, чтобы моя любящая жена мне изменяла. «Змея» не может быть змеёй во всём, в чём-то она должна быть человеком. Так что Мария, положи руку на сердце, если оно у тебя вообще имеется, скажи правду, не трави мне душу.

Мария: Что ты, придурок, от меня хочешь? Чтобы я тебе сказала, что я тебе изменяю? Пришёл к тебе человек и говорит, что он мой любовник, а ты ему, видите ли, не веришь, так что ты от меня хочешь? Ты просто слюнтявый идиот, скажи прямо, не нужно ни за кем прятаться, что ты хочешь со мной развестись. Ты мне давно безразличен, иди, уматывай к своей шлюхе!

Пётр: Была бы у меня хоть какая-нибудь шлю... женщина, я бы ушёл.

Мария: Ты как веник, за двадцать лет наподметал шалав. Думаешь, я дура слепая?! Неуважение – это то, чего ты заслужил, мой хороший.

Пётр: Ну, это вообще... нет придела твоей наглости! Дай хоть одно доказательство того, что я тебе изменял. Одно!

Мария: Я до таких низостей не падаю.

Пётр: Вот здесь наши друзья... можно у них спросить: мужики, я своей жене изменял, честно только? Если бы я изменял, я бы им рассказал, все мужики рассказывают о своих похождениях друзьям.

Николай: Ну... как это так... да нет, конечно, не изменял. Что изменять то, ты же Мария бомба была...

Полина: Бомба значит?

Николай: Я просто объективен.

Пётр: А может быть это ты её любовник? Мария всегда была слаба перед полупьяными запевалами у костра... шансон и вся такая хрень...

Николай: Я хоть и пьян, но язык мой камень! Я тебе... тебя, Пётр, понимаю, и не обижаюсь на тебя ничуть, ты меня даже не обидел. Нечего здесь добавлять, я мужик просто класс, бабы так и тащатся от меня. Видный, статный, богатырь одним словом...

Полина: Ты что моего мужа дискредитируешь?

Николай: Подожди Полина, не кипятись, дай закончить! Я же вижу, как на меня смотрят. Я – самец. Вожак стаи. Я ваще... по мне можно статую ваять из камня, не запахло будет, и алкоголь, прошу заметить, меня вообще не портит.

Донатос: Вы саморекламой занимаетесь, Коля!

Николай: А ты не лезь, старый кобель!.. В итоге, я мужественный человек,

потому что, несмотря на все пререкания, на все эти пуси-муси, на все эти женские капканы, я не сломался, жене моей любимой, Полиночке, цветочку моему полевому, не изменял, тем более с женой моего лучшего друга. Я же не до такой степени гад. Дон Жуана ищите в другом углу. В этом углу оливье, коньяк и Доритос...

Донатос: Донатос.

Пётр: А как насчёт официантки, Лидии?

Полина: Что за Лидия?

Николай: Враньё! Ложь! Клевета! Себе семью ломай, мою не тронь!

Пётр: Все в комнате знают, что ты её в гостиницу «Варшава» возил.

Донатос: Я не знал.

Пётр: Тебе не помешало, что она дочь твоего друга.

Николай: Полина...

Полина: А что Полина? Полина дура, Полина – попугай! Полина говорит, сама не слышит! Не был бы таким идиотом, делал бы всё по-тихому. Только позорить и можешь!

Николай: Ну, ты и баран, друг!

Пётр: Пришло время очистить все щели в доме!

Николай: Ты свои щели чисть, мои, не-не-не!

Донатос вдруг берёт ломтик колбасы со стола и кладёт в рот.

Донатос: Я только сейчас колбасу попробовал, она вкусная очень...

Пётр: Свинина это!

Донатос: Свинина тоже зверь!

Ваня: Да, коллапс.

Николай: И как долго ты об этом знаешь?

Полина: Я за тобой следила до самой гостиницы.

Николай: Да что же это такое, в большого брата играем, мало нам президентов на голову! Никакой личной жизни! Кто хочет выпить?

Пётр: Наливай.

Пьют.

Донатос: Сейчас лучше пошла, видно отпустило малость. Давайте уж поговорим о моей проблеме.

Николай: Вот вы меня в голове ругаете, а что я такого сделал? Вы эту официантку видели? Вы же знаете, что это за фрукт, ребята! Как будто не из мира сего. Такая милая, хорошая девушка, с большим потенциалом. Да никто бы на моём месте не устоял бы, никто! Она же меня совратила... и изнасиловала! Представьте, я как обычно у себя там кручусь, а она тряпочкой столы вытирает. Я ей говорю: «вышла бы ты, стекло витрины вытерла», – а она отвечает: «Я такая милая девочка и выхожу с тряпкой», – тут-то меня и взяло. Думаю, как это, такая хорошая девушка, а с тряпкой ходит, нормального мужика найти не может?! А?! Лишь в гостинице, после этих... всего там, меня осенило, мол, это же женская кодировка была. Она меня закодировала и использовала. Как кролика для экспериментов.

Полина: Хватит, противно слушать!

Николай: Да она такая..! Я почувствовал у неё такой опыт за плечами, что прямо страшно стало за себя.

Полина: Почему она тогда у тебя до сих пор работает?

Николай: Потому что дочка друга моего, а так ведьма самая настоящая. Не хотел бы я её мужем быть, Полина!

Полина: Я думаю, что нам пора домой.

Николай: Мне с тобой?

Полина: Горе ты моё, Николай.

Николай: Петя, мне больше не звони, чек за коньяк пришли по электронной почте! Гусь! Если не знаешь как, позвони – я тебе объясню... Надеюсь, Мария, у тебя был не один любовник!

Полина: Пошли уже!

Николай: А ты, дед, держись за «перила», не переставай мечтать. Пётр – он вообще чмом оказался, так что свет тебе в окна, квартира в твоём распоряжении, а риведерчи!.. *(выходят в коридор)* Где я? Как дальше жить-то? Опля!

Пётр: Что он опять ручку оторвал?! Придурок! *(теряется в коридоре)*

Николай: Это у меня судорога такая.

Полина: Знала же, нельзя тебе пьяному дверные ручки хватать.

Николай: Вот и схватил...

Пётр: Ты мне ручку дверную оторвал!

Николай: Чек не шли, оставь себе... *(выходят)*

Пётр: Да.

Дарья: Думаю и нам пора.

Пётр: А торт?

Дарья: У нас тоже торт есть... дома.

Ваня: Нет у нас торта дома.

Пётр: Ваня...

Ваня: Только не начинай, не надо, ты же понимаешь, что я здесь человек лишний.

Пётр: Кто знает...

Ваня: Я знаю.

Пётр: Ты всегда, ещё до свадьбы моей, по Марии сох.

Ваня: Если бы сох, уже давно высох бы! Супостат тебе не я, а Донатос, с него и спрашивай. Рядом со мной жена, мать моих детей, я бы не хотел затрагивать мою личную жизнь.

Дарья: Ну... я тоже пьяна, чёрт...

Пётр: Только не говори, что ты не знаешь?

Ваня: Что?

Пётр: Дарья твоя тебе изменяет.

Ваня: Что за глупости!

Мария: Петя!

Ваня: С тобой?!

Пётр: Нет, но могла бы и со мной.

Ваня: Мария?

Мария: А что Мария?

Ваня: Донатос?

Донатос: Я честно сказать не припомню вашу жену в своих объятиях.

Ваня: Дарья?

Дарья: Ты со своей высшей материей вообще перестал функционировать.

Ваня: Так значит...

Дарья: Ничего это не значит.

Ваня: Я не могу в это поверить. Мне никогда никто не изменял. И вообще по статистике мужчины изменяют намного чаще, чем жёны. Если я своей жене не изменял, зачем ей мне изменять?

Донатос: Прошу заметить, что статистика врёт. Давайте подумаем логично. Если спросить мужчин, изменяют ли они своим жёнам, то шестьдесят процентов из них будут лгать в содеянном им грехе, потому что по мужским понятиям – это круто. Мужик, он должен быть ловеласом. Но женщина же, наоборот, всячески будет умалчивать о своих грехах, дабы не разрушить семейный очаг, так как даже пустые стены вызывают у них страх и сомнение. Женщина не признается даже под пытками!

Ваня: Я вижу логику в вашем замечании.

Мария: Пётр, ты сволочь!

Пётр: У тебя научился.

Ваня: Дарья... прелюбодеяние.

Дарья: Ваня, успокойся, это всего лишь сон.

Ваня: Я трезвый... почти.

Дарья: Ну, была у меня... как-то связь...

Ваня: Дарья!.. Не знаю, в кого вилку воткнуть...

Дарья: Всего два любовника. За десять лет, это не так и много. Вот у Снежаны, ты же её знаешь, она меняет их как перчатки, и муж её об этом даже и не подозревает.

Ваня: Я в таком дерьме ещё не плавал.

Пётр: Плавал, плавал, ты просто этого не знал.

Ваня: А что мне теперь, Петя, делать?

Петя: Взять себя за волосы и вылезти из дерьма, скупаться, очнуться и найти в себе силы всё исправить.

Ваня: Я тебе что, Мюнхгаузен?

Дарья: Я просто не могу, я же женщина. Мне нужен контакт. А ты так часто просто не контактируешь со мной. Хорошо если бы изменял... ты просто пассивный человек, такие как ты, вымирают! Понимаешь?! Ты слишком много думаешь, а чувства, где чувства? Где страсть? Где взять и сделать что-нибудь спонтанное? Ты мумия под макияжем! Секс это не что-то грязное, это интимный язык двух созданий, через него люди понимают друг друга. Если тебе не нужен секс, мне он нужен. Одно и то же десять лет... Я его даже за этим ни разу не заставала... вы понимаете. Ну что мне было делать? Я же его любила... Я как-то принесла заменитель... он его выбросил, назвав это похотью. Ты фригидный, Ваня! С тебя как с козла молока, ты хороший муж, отец, но ужасный любовник...

Ваня: А я действительно по Марии сох. Может быть я сохся?

Донатос: Я не высох за столько лет, думаю и вы не сухофрукт.

Ваня: Ты, Петя, подумал бы перед тем, как всё это затевать. Как теперь я буду чувствовать себя, зная, что моя жена дешёвая женщина? А как будет чувствовать себя Дарья, зная, что я знаю? Ведь мой долг заключался в том, чтобы уберечь её, пусть даже от самой себя. У меня не было проблемы с ней, так как ей было комфортно, пусть даже и не со мной, а теперь как ей дальше жить? Как ей, моей единственной, смотреть мне в глаза? О каком комфорте мечтать? Сможет ли она свыкнуться с этим унижением? Просил ли я тебя глаза мне открывать? Мне же главное, чтобы она себя хорошо чувствовала, а теперь что? Как теперь ей быть? Отношение между людьми равносильно войне, и я не хотел никого разоблачать, а тем более побеждать. Моя супруга должна была быть победителем, а я бы так и продолжал шедевры в мусорную корзину выбрасывать.

Пётр: Так нельзя жить, Ваня.

Ваня: А так можно? "Если вас лишают необходимого, станете ли вы благодарить за роскошь?" – Фигаро. Ты лишил меня иллюзии полёта...

Донатос: Всё уляжется, завяжется... образуется одним словом. Люди живут и не летают, и ничего – счастливы.

Ваня: Мария, мог бы быть путь, на котором мы могли бы встретиться?

Мария: Наверное, такой путь был.

Ваня: Нет, ты была стервой, мой характер не смог бы с этим справиться.

Пётр: С Дарьей же справился.

Ваня: Дария не стерва, она слабая... (*смотрит на Дарью*) Рот надо было открыть! Сказать, что я импотент, а не придаваться пагубной страсти с кем попало за моей спиной! На развод бы подала! Что угодно, но... ладно, я слишком многое сказал. Мне пора. Чего-то голова разболелась...

Донатос: Может воды?

Ваня: Не женаты вы значит... хорошие у вас стихи, хоть и не стихи это вовсе. Спасибо за приём. Ещё раз поздравляю!

Ваня уходит.

Дарья: А мне что делать?

Мария: Идти за ним.

Дарья: Может он меня придушит? Зачем ты мне жизнь испортил?

Пётр: Никто тебе ничего не портил.

Дарья: Да пошёл ты... Петя! (*уходит*)

Действие третье

Донатос: Да вот, наконец, снова любовный треугольник! Опять мы втроём, прямо как три мушкетёра... три сестры, образно говоря, и каждой что-то да нужно! Конечно же, я не ожидал таких сейсмических потрясений... у вас, кстати, интересная компания, и вы все такие живые... живёхонькие, прям радость берёт. Это же, как подфартило на старости лет в такой гуще побывать!

Пётр: Остынь, слушай.

Донатос: А я слушаю, я таки слушаю! Я давно так никого не слушал, как сейчас... Дорогие мои, мы подтверждение валентности химических элементов! Это что-то невероятное, что-то сверхбытовое! Мы над повседневным, потому что мы не утратили желание чувствовать!

Пётр: Что за маразм!

Донатос: Да, да, Пётр, вы вольны желать чего угодно, вы как нить тока, которая пронзает вакуум по периметру!

Пётр: Я, блокирующий волны, силовое поле!

Донатос: Даже так?!. Ну ладно, пусть вы будете полем. Поля это вообще хорошо... поля – это простор; это воля, это Россия!

Пётр: Изя, очнись, о какой России ты говоришь?

Донатос: Мария, я вас безумно люблю! У всех ваших друзей уже раскрыты карты. Они свободны. Ведь вы понимаете, Мария, что самая мерзкая темница – это мы сами. Мы сами себя держим во мраке. Зачем мы так над собой измываемся? Давайте любить друг друга.

Мария: Слушай, человек, ты не третий, ты даже не лишний, ты никакой, тебя нет в календаре, в блокноте, тебя не существует, больной старый романтик! Ты себя видел, отец ты мой?! Я уж не знаю, как тебя ещё обозвать, папаша! Что тебе во мне приглянулось? Только не говори, что характер! Может грудь тебе моя нравится?! Да у миллион женщин грудь красивее, чем моя! Что ты хочешь, старый пень?

Пётр: Да, чё надо?

Донатос: Я может быть и старый романтик и всё такое, но я... я не обижаюсь, я понимаю, ты хочешь брак сохранить, поэтому так сквернословишь, но зачем жить в иллюзиях, когда можно просто быть искренне любимой?

Пётр: Ладно, Донатос, мне здесь с женой надо пару моментов уладить, а ты иди туда, откуда пришёл.

Донатос: Жаль. Я сейчас уйду, выйду только на балкон, закажу такси, чтобы до гостиницы довезло.

Пётр: Имя у тебя странное.

Донатос: Означает подаренный. Мария, я подарен тебе Господом.

Мария: Идите звонить.

Донатос: Хорошо.

Выходит на балкон. Скандал. Тарелки летят, вилки порхают...

Донатос: Для чего придумали балконы? Разве окон людям не хватало? Людям был нужен выход в мир, в свет. Интересно, кого это надоумило сделать террасу торчащую из здания? Явно того, кто не был доволен количеством комнат, хотя может быть это был человек, который никак не мог найти себе место. Куда бы

он не шёл, где бы он не находился, ему всё время было неудобно. И вот он решил создать иллюзию пространства. Возвёл балкон над садом... балкон был для него пристанищем, и он очень часто проводил на нём время... наверное, потому что лишь на балконе он чувствовал себя в безопасности. А потом он посмотрел вниз, посмотрел на горизонт, на небо, и осознал, что он всего этого лишился из-за долбаного балкона метр на два, если не меньше. От этой мысли у него закружилась голова, он понял, что стоит ни на чём, нет земли под ногами. Я думаю, он спрыгнул. Так как дома в те времена не были такими уж высокими, он сломал себе берцовую кость. Печальный случай, но люди до сих пор прыгают с балконов, потому что порой это единственный выход из безвыходной ситуации... Смог бы я спрыгнуть, хотя бы попытаться? (*Донатос осторожно перелезает за балкон, и свисает с него*)

Эй, вы, там! Эй, люди! Мария! Пётр! Я уже не в том возрасте, чтобы висеть! Вы же не хотите милиционеров на ужин!

Мария и Пётр перестают ругаться. Выходят на балкон.

Пётр: Ты чё, с ума сошёл?!

Мария: Боже мой!

Они поднимают его на балкон.

Донатос: Вышел позвонить, а потом смотрю – я вне балкона. Может быть такое, чтобы балкон тебя отпрыгнул?

Пётр: Нет.

Донатос: Значит это любовь, то есть её недополнение. Вот так я как-то решил во имя чести!

Пётр: Да что ты за урод такой?

Заходят в салон.

Донатос: Нет, я не урод. Я просто бескрылый орёл. А я вижу, у вас здесь попарная вечеринка была.

Пётр: Пойми, ты просто опоздал со временем, надо было тебе влюбиться лет десять назад. Ты же не респектабельный. Я молод, богат; ты стар и без денег. Если мы разведёмся, то она не к тебе побежит, а к такому как я, понял? Так что я прошу тебя, кончай жизнь где-нибудь в другом месте, актёр! А теперь пошёл вон!

Донатос:

*Прошу, простить меня, я ненавистен вам.
Как туча серая над праздничным Парижем.*

*Лечу, открывший сердце залпам и огням
Невероятно красочных китайских фейерверков.*

*Прошу, не обращать внимание на белый шум в ушах,
Я, словно дождь слепой, недосыгаем для пустыни.
Как тяжко знать о том, что всё не для тебя,
А для того, кто внешностью красивой.*

*Я – стая из тридцати зубов; один мой нос...
Мой рот кусает за ночь сотню мерзких снов,
Пытаясь отравиться альдегидом. Но разумом доволен,
Для себя мне хочется немного измениться:*

*Простить тебя, затем простить себя,
Затем случайно в полночь застрелиться...*

Пётр: Ну, ты мудака, что ты мне здесь вечер поэзии устраиваешь?!

Мария: А что ты думаешь, так много я требую от мужчин? Мне так много надо? Когда от меня муж хочет избавиться, почему бы мне и не изменить. Ты здесь самый настоящий придурок, Пётр. Почему это я не могла с ним переспать?

Пётр: Потому что я тебя знаю.

Мария: С молодым студентом могла бы, а вот с ним не могла бы, так что ли?

Пётр: С молодым студентом могла бы.

Мария: Я же стерва, Петя, ты мне веришь, а ему нет? Петя, я с ним переспала в номере, который ты мне заказал.

Пётр: Ты чё?

Мария: А что? Пришлось, конечно, немного выпить.

Донатос: Только для того чтобы разрядить обстановку, прошу заметить.

Мария: Он же тебе говорит, взрослый человек, огурец ты малахольный, что женщины не признаются в изменах.

Пётр: Ты это говоришь, чтобы меня позлить.

Мария: Зачем мне тебя злить? Что у меня других способов нет, тебя позлить?

Пётр: Тогда для чего ты его здесь оставила?

Мария: А мне интересно стало, как это он меня нашёл.

Пётр: Нас в Москве не так сложно найти.

Мария: На первый взгляд в этом взрослом человеке нет ничего особенного, но на самом деле в каждом есть что-то, и это что-то можно разглядеть, надо только постараться или выпить хотя бы. Он настоящий мужчина. Душой молодой и энергичный.

Донатос: Петя, это про меня!

Пётр: Я не верю! Ложь!

Мария: А что ты так приуныл? Ты же хотел меня уличить в измене, вот я тебе и говорю.

Пётр: Змея.

Мария: Змей.

Пётр: Да я никогда не поверю, что ты могла... что он мог... вы прикасались друг к другу?

Донатос: Ну, мы уже давно не дети. Пётр, будьте взрослым человеком, вы её потеряли.

Мария: Он стихи мне читает. А ты мне стихи читал, цветы дарил, всю жизнь чувствовала, как будто ты мне одолжение делаешь, что женился на мне. Поэтому дети и не хотят здесь быть, видеть всю эту фальшивку.

Пётр: Ты с ним спала! Не могу поверить.

Мария: Я вот сейчас соберу сумочку с вещами и уйду с ним, в это ты согласишься? Мы поедем с ним в гостиницу, там у нас это лучше всего получается, правда, Доня?

Донатос: Да, только ты это... а то придушит меня ещё.

Мария исчезает в комнате.

Пётр: Это же уму непостижимо...

Донатос: Я же экстрасенс, как Кашпировский, могу, как бы, завладеть сознанием другого человека... для неё я в тот момент был заморским актёром, прям как Клинт Иствуд.

Пётр: А ну пойдём на балкон!

Донатос: Зачем? (*Пётр хватается Донатоса за плечо*) Не надо меня трогать! Что здесь места мало, я не понимаю?

Пётр: Давай, шагай!

Донатос: Балкон не место для выяснения отношений, ну мне так кажется, по край не мере.

Пётр: Ты что, вообще сдурел?

Донатос: А что?

Пётр: Я тебе за что платил?

Донатос: Я таки и сделал то, что ты просил.

Пётр: Прекрати разговаривать как будто ты... у самого стереотипы!

Донатос: В моём случае они мне помогли.

Пётр: Я тебе не за это платил!

Донатос: За измену и развод. Измена – развод. Я ас в этом деле.

Выходит Мария с небольшой сумочкой.

Мария: Всё, я готова!

Пётр: К чему ты готова?

Мария: К новой жизни, так детям и скажи.

Пётр: Ты что дура?! Какой из него израильтянин, он даже слова ни одного не знает...

Донатос: Иерусалим. Шалом...

Пётр: Врёт он всё. Я ему деньги заплатил, чтобы он тебе любовника нашёл.

Донатос: Я-то? Чушь.

Пётр: Сейчас, секунду. *(Бежит в комнату и возвращается с клочком газетной бумаги)* Вот газета. Решаю семейные проблемы любого рода!

Донатос: А что ты газеты хранишь? Стареешь?

Мария: Так, меня качает.

Пётр: Мария, я сейчас всё объясню.

Донатос: Хватит! Надоело! Да, я лицедей-соблазнитель. Это у меня такая профессия. Я помогаю людям избавиться друг от друга или воссоединиться. Я столько соблазнил женщин, я мастер соблазнения. Наденьте мне панамку и

очки, несмотря на это я всё равно соблазню. Я этому учился годами. Я не живу в Израиле, но я не врал, он в моём сердце. Я, может быть, немного преувеличивал, приукрашивал, но я не врал. Я не бездетный, у меня дети разбросаны на пяти континентах, но жены нет... Я всегда верил в любовь, не как некоторые.

Пётр: Ну, ты, урод! Ты думаешь, это его стихи?..

Донатос: Это я на балконе висел, я! Если бы это не было для меня серьезно, я бы на балконе не висел!

Пётр: Я пришёл к нему и сказал что хочу, чтобы моя жена мне изменила. Он мне ответил, что у него есть пара жеребцов, и что это даже не проблема.

Донатос: Но я когда фото твоё увидел, понял, что это моё счастье. Я то, как и все люди счастья хотел. Любви. Он же мне начал плакаться, что мол ты стерва. Ты его спроси, почему это он любовника к тебе подослал?

Мария: Вы больны на голову...

Донатос: Нет, это он больной. Хотел развода и чтобы ничего тебе не оставить. Он ещё изощрённее придумал, безумный только на это пойдёт: он сказал, чтобы любовник пришёл в этот день и раскрыл бы себя. Вот я и пришёл.

Пётр: Я не знал, что это ты!

Мария: Вы мне оба противны.

Донатос: Не говори такого, любовь моя, свет всей моей жизни. Хочешь – я прям сейчас с балкона? Мне жить без тебя ни к чему.

Пётр: Во всём оказывается виноват я! А ты подумай, почему я на это пошёл. Потому что я устал. Я больше двадцати лет играю с тобой в эту чертову игру, и не разу я не победил. Всё время в напряжении. Всё время что-то надо было... как-то надо было выживать. Я как на фронте. Я не только деньги приносил домой, я и с тобой воевал. В чём ты мне помогла? Родила мне детей, которые даже навестить лишний раз нас не желают, только банкоматом пользоваться могут! Любая детей родит! Ждёшь, что изменится что-то, мягкость появится... хоть сгорбилась бы раз, нет же всё время спину ровно держит. Сама не расслабишься и другим не дашь. Смотрю на тебя и представляю училку младших классов.

Пётр, поцелуй меня; Пётр, развлеки меня; Пётр, сделай мне ребёнка! С молодости ты такая, зубрилка несчастная! А я – тряпка. Муж должен чувствовать себя мужчиной в доме, А я – тряпка и это твоя работа! Пусть это было бы иллюзией, но ты даже не старалась, будто так и надо.

Донатос: Вот это я называю жизнь.

Мария: Оба вон из квартиры!

Мария уходит на кухню.

Пётр: Ты чего добивался?

Донатос: А ты чего? Всех, кого мог, расстроил.

Пётр: Я всего сам добился в этой жизни...

Донатос: Флаг тебе в руки.

Пётр: Культурным тебе больше подходило быть.

Донатос: Что? Валить надо?.. Перед делом я разведданные собираю. Пытаюсь увидеть истинные проблемы, а посему стараюсь сделать что-то, чтобы помочь, и не всегда, а даже чаще это не совпадает с желанием клиентов. У тебя был клинический случай. Вот я и решил вмешаться. Но если всё-таки ты откажешься от идеи бороться, то она будет моей, так как я действительно не женат. Что добру пропадать?

Пётр: Я в армии служил, в битвах не бывал, границы не защищал. Как-то зимой приказ был на учениях в окопе сидеть. Зима, у сослуживца почка отказала. Замёрзли. И вот думаю, кто виноват?

Донатос: Армейская жизнь – это изнанка гражданской жизни.

Пётр: Делать не хрена было, полковник приказал отвезти нас на дачу его, чтобы мы ему забор сделали. Ну, нас привезли, дали краску, доски и оставили... трое ребят было: один из Воронежа, другой из Уфы. Смотрим: дом такой приличной комплектции, но без забора, а рядом дом так себе, но с новым забором. Ну, мы и решили забор перенести и перекрасить. Думали, никто там не живёт. А полковнику, откуда и как... ему наплевать было на это. Вот мы это дело и сделали. Вскоре сам полковник пожаловал, собака, сиял от счастья. Решил по такому случаю на ночь остаться, а нас обратно на базу. Даже не накормил, сволочь.

А в итоге то оказалось, что хозяин той задрипанной дачи на охоте был с друзьями. Там же у костра в лесу они дичь приготовили, напились, а ближе к ночи вернулся он. Смотрит, вроде бы дом не его, а забор его. У него рефлекс сработал – то, что ближе – своё, значит и дальше тоже своё. Зашёл в дом, темно, полковник не понял, и тот не понял, охотничье ружьё и полковник на том свете. Выяснять стали обстоятельства, год службы на гауптвахте провёл. Вернулся из армии, женился, чтоб мысли всякие в голову не лезли.

Донатос: Так, ты уже пьяный.

Пётр: Гитару дай, спою чего-нибудь.

Донатос: Вот.

Пётр: Как там поётся...

*Коль молодость мне не дала любви,
Я с возрастом её поймаю.
Как птицу огненную во степи
Порывом ветра похищаю.*

*Её прекрасные четры
Закатом дня я приласкаю.
И, жизнь пройдя, всё льют дожди,
Но я стою, не промокаю.*

*Любовь бумажная моя
Сгорит, промокнет, растворится,
Но есть бумага у меня –
Любовь сея опять родится...*

*Любовь бумажная моя,
Я гну углы её; по краю
Веду рукой и понимаю,
Что ненадежная она.*

Любовь бумажная моя...

Появляется Мария.

Донатос: Да.

Пётр: «Сея» надо убрать.

Донатос: Мне всё равно, что «сея», что без «сея»...

Пётр: Мария

Мария: Что?

Пётр: Ты, Маш, меня секунду послушай, не перебивай. Я же тебя и не любил никогда. Врал, что любил. Делал вид, но я хотел любить, но не мог. Я вообще никогда никого не любил, я имею ввиду женщин. Не было у меня такого, чтоб я в кого-то влюбился. Все парни, как парни с ума сходили по юбчонкам, выбирали из толпы ту самую, единственную. Я никак не мог полюбить. Вернулся из армии, говорят, ты Машу знаешь, во баба: грудь во; зад во! Тело отменное короче... Я и смотрю, чего ты всем нравишься, прям без ума от тебя. А я вот не мог этого понять, что же в тебе такого есть. Ты же и тогда стервой была, а как любить высокомерную девушку, которая видит только себя, думал я. Раз я вообще не влюбляюсь, то я выберу лучшее из того, что есть. Думал, ни сегодня, завтра почувствую любовь, дети появятся так и влюблюсь...

Донатос: Это химии нет.

Пётр: У тебя синусы не болят?

Донатос: Нет.

Пётр: Сейчас заболят... И вот так я жил с тобой, смотрел на тебя и думал, когда же я тебя полюблю? А никогда! Тут я и ужаснулся. Так я могу прожить всю жизнь и не узнать, что такое любовь? Я встретил несколько лет назад женщину, типаж ни чё так, хорошая была. Что-то мне в ней понравилось. Было в ней что-то, естественное такое, родимое мне. Добрая она была и спокойная. Вот я и подумал, что её бы я смог любить, ночь, другую сразу бы полюбил, ни за внешность, нет, за теплоту. Тогда я и решил от тебя уйти, но как не знал. Ведь я виноват, что ты жила с человеком, который тебя не любил, наверное, поэтому ты стала ещё более стержневой, чем была в молодости. Я чувствую свою вину. Я ту женщину не искал и тебе не изменял, но хотел. И как-то с детьми ты себя вела... ну не знаю. Ты в этом не виновата, я ещё та скотина, но просто не имею право я вот так к старости плыть. Мне нужна простая женщина, настоящая русская женщина...

Мария: Я люблю тебя, Пётр. И вышла я за тебя, потому что любила.

Пётр: Смотрю на тебя и думаю, а смог бы я тебя полюбить?

Донатос: Смог бы, раз я полюбил, то и ты сможешь. Да и вообще может уже любишь, поверь мне, я видал тех, кто не любит, и как они себя ведут с нелюбимыми. Понимаешь? Это на первый взгляд она бункер, ты ей стихи почитаешь.

*Они вдвоем глядят в соседний сад,
и мысленно в той комнате огромной
уже давно. Но тени их назад
бегут вдвоем по грядке помидорной.
Стоит безмолвно деревянный дом,
но всё в морщинах: стены, дверь, стропила
как будто повествуют здесь о том,
что сходство между ними наступило.
И в то же время дымную свечу
труба пускает в направлении взгляда,
вложив сюда всю зависть к кирпичу,
которая плывет через ограду.
Они ж не шелохнутся. Но из глаз
струится ровный свет в чужие розы.
И как прекрасно, что они сейчас
еще не там, совсем не там, где грезы,
что вот они и могут выбирать,
пустой участок предпочесть ракете,
и там свою дилемму повторять,
как миф о Филемоне и Бавкиде.*

Пётр: Опять муть!

Донатос: Это Бродский. Вы знаете, кто были Филемон и Бавкида?

Пётр: Нет.

Донатос: Давайте сядем, я вам вкратце расскажу.

Звонок в дверь.

Мария: Дети.

Идёт им открывать.

Донатос: Они тоже пусть послушают.

Пётр: Так ты с ней спал?

Донатос: Зачем тебе это знать?

Пётр: Урод ты.

Донатос: Да, а колбаса ничего так...

Конец